

6+

Ирина Вайнио

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ВОРОБЬЯ КРОКА И КРЫСЫ ТРЕССИ

Ирина Вайнио

**Необыкновенные приключения
воробья Крока и крысы Тресси**

«Издательские решения»

Вайнио И.

Необыкновенные приключения воробья Крока и крысы Тресси /
И. Вайнио — «Издательские решения»,

С первых страниц этой современной детской сказки мы оказываемся в-воробьиной семье, где подрастает изнеженный родительской любовью эгоистичный ребёнок Крок. Его ждёт много интересных и опасных приключений, но они лишь закалят нашего героя, сделают его смелым, самостоятельным, способным любить свою семью и ценить настоящую дружбу. Рекомендуется для детей начального и среднего школьных возрастов и их родителей.

© Вайнио И.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Утро началось с неприятностей	6
Глава вторая. Заседание в старом заброшенном сарае	8
Глава третья. Неожиданный поворот событий	12
Глава четвёртая. Школьные передряги Крока	13
Глава пятая. Воробьиные бои	16
Глава шестая. Первое знакомство с братом	17
Глава седьмая. Экстренное птичье собрание	19
Глава восьмая. Побег и вымышленная история для героя	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Необыкновенные приключения воробья Крока и крысы Тресси

Ирина Вайнио

Иллюстратор Ксения Калинич

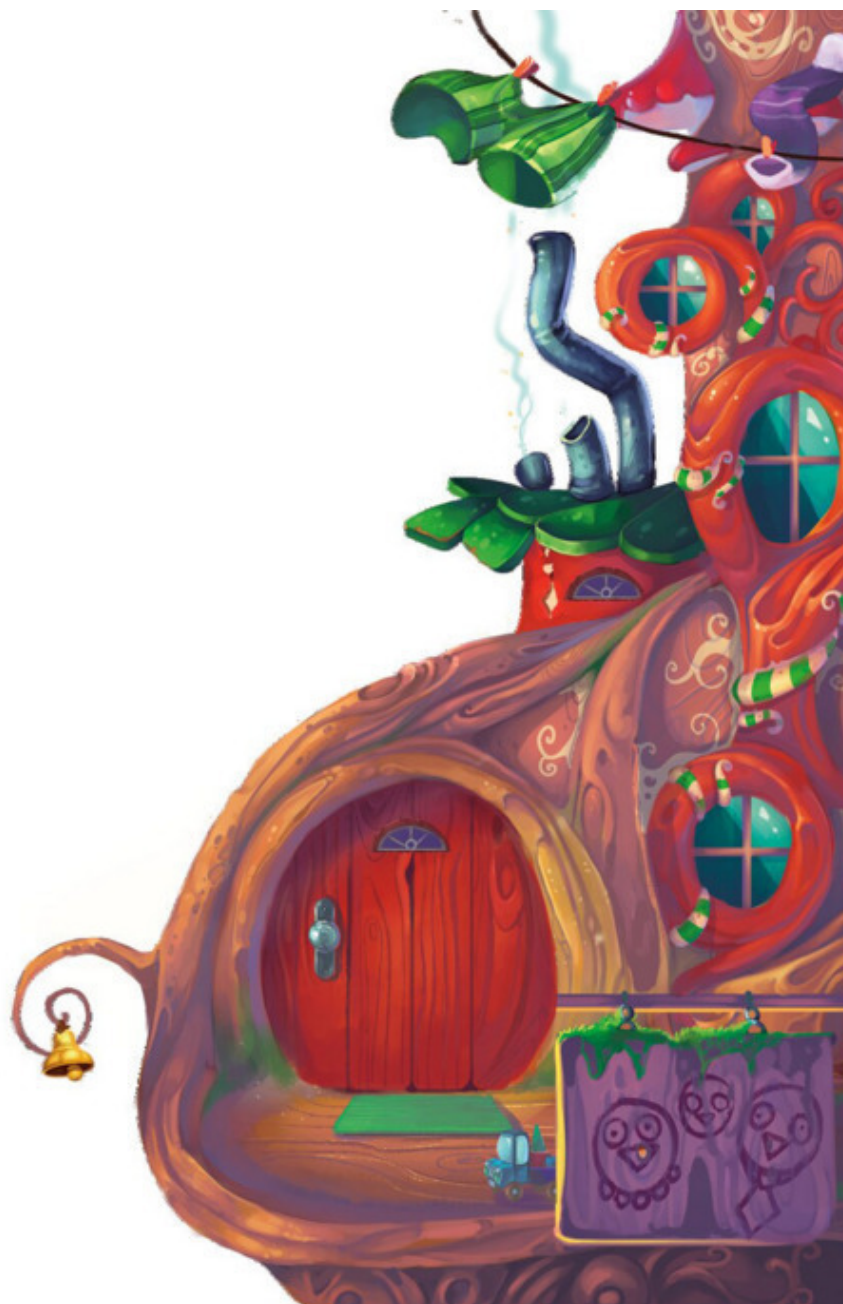
© Ирина Вайнио, 2026

© Ксения Калинич, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-4477-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Утро началось с неприятностей

Моя история, которую я хочу рассказать, началась ровно с того момента, когда родился мой маленький братик. Я хорошо помню этот день. Прямо с самого утра мама сказала, что у неё какое-то лёгкое недомогание, болит голова и покалывает горлышко. В общем, что она себя чувствует не очень здоровой. Я сразу забеспокоился и стал спрашивать маму: может быть слетать за папой? Папы не было дома. Он часто улетал, именно по утрам, ссылаясь на множество неотложных дел. Похоже, что все папы так устроены — им просто необходимо иметь множество неотложных дел, решив которые возвратиться домой уставшими, но очень довольными собой на весь оставшийся день.

«Нет, не нужно, сынок, всё обойдётся, — отозвалась мама, чуть успокоив меня, — сейчас полежу немного, и всё пройдёт». Но ничего у неё не проходило, и позже она начала вздыхать и

постоянно ворочаться в своём углу. Даже маленькие пёрышки на её голове стали топорщиться гребешком. Тут я совсем разволновался: «Мам, хочешь ты или нет, но я слетаю за папой». Но мама не ответила, лишь громче вздохнула. И я понял, что пора действовать.

Честно говоря, я ещё не вылетал один из гнезда. Обычно мы это делали всей семьёй, когда нужно было лететь в поисках еды. Это было несколько раз в день, и папа заранее знал, куда мы полетим, так как предварительно, накануне, строил план вылета. Все места, где можно было найти еду, он знал. Это было обычно три-четыре места: кормушки, деревья и кустарники с оставшимися на них с осени семенами или ягодами. Но самым главным местом для добычи вкусенького мы всегда считали большую хозяйственную пристройку к дому, находящемуся не так далеко от нашего гнезда. Там люди хранили сено для лошадей, а значит — зёрнышек овса там можно было найти невиданное количество. И вот там-то мы и набивали свои животы до отвала, гоняясь потом друг за другом, весело насвистывая разные мелодии. Я только до сих пор не понимаю, почему мы сразу не летели туда, где было много еды, а сначала облетели все другие места, где не всегда находили что-то съестное. Но это была семейная традиция, и все ей следовали. Однажды я даже спросил папу об этом, но он сказал, что я слишком много задаю вопросов, а это вредно маленьким воробьям — с толку сбивает. «Будет лучше, если ты перестанешь задавать лишние вопросы и будешь делать так же, как все, как мы с мамой твоей делаем». Почему он так ответил, я не понял, наверное действительно маленький ещё, и значит так надо, — рассудил я.

Мамины вздохи раздавались всё слышнее, и, не сказав ей ничего, я вылетел из гнезда. Вообще-то было немного страшновато, но я знал, что справлюсь, ведь я уже большой, как говорит мама, и пришло время думать по-взрослому: заботиться о родителях, задумываться о своём будущем. Только вот сказал бы кто, как это — думать по-взрослому если ты ещё не взрослый.

Итак, я полетел. Первое, что нужно было сделать, — понять, где я нахожусь, и получше запомнить это место, чтобы потом без труда вернуться если не найду папу. Для этого я попробовал зависнуть на одном месте, судорожно маша крыльями, чтобы получше разглядеть дерево с нашим гнездом. Но это оказалось трудным занятием, и я стал облетать вокруг него. Справа налево, вверх-вниз. Один раз, второй, третий. Но вокруг столько похожих деревьев, как же мне запомнить это место? Кажется, ко мне начал подбираться страх. Но там же моя мама, она болеет, и у меня нет времени на страхи, иначе ей может стать хуже. Всё, лечу, хватит кружить на одном месте. Как-нибудь найду потом гнездо, может, инстинкт поможет, о котором папа всегда говорит, когда учит меня чему-нибудь.

Глава вторая. Заседание в старом заброшенном сарае

Я догадывался, куда мне нужно было лететь, чтобы найти папу. Это могло быть исключительно одно место. Оно было не так далеко от нашего дома, на опушке леса. Не так чтобы какого-то огромного леса, как может показаться с первого взгляда, а небольшого уютного такого, окружённого полями. И вот в этом маленьком лесу, в самом центре, раскинулась разноцветная поляна, на которой размещался старый, полуразвалившийся, забытый всеми деревянный сарай. Это и было самое подходящее место для встреч и времяпрепровождения таких же умных птиц, как мой папа. По всему было видно, что там обсуждаются действительно серьёзные темы, так как обстановка была деловая и немного напряжённая.

Это просто я уже прилетел и, сев на одну из деревянных перекладин под самой крышей сарая, стал всматриваться в происходящее, пытаюсь разглядеть своего отца. А это было не так уж просто, так как птиц здесь было много. Я увидел несколько группок, сидевших в разных местах на таких же перекладинках, как у меня. Похоже, что и разговоры у них были разные. Кто-то говорил о том, что деревьев вокруг становится всё меньше, и поэтому труднее найти место для строительства гнезда. И что если так будет продолжаться и дальше, придётся планировать большой перелёт. А как улетать с насиженных мест, где всё знакомо. Где жили твои бабушка с дедушкой, и даже дедушка твоего дедушки здесь жил. Как-то не правильно это! Даже я понимаю. Другие птицы говорили о том, что на зиму на полях остаётся меньше зерна. И что теперь всё больше приходится надеяться на человека, который развешивает кормушки возле дома. А если однажды он забудет насыпать с утра семян или зёрен? Что тогда? Поэтому среди нас ходит такая поговорка — «Храбрый воробей надеется на свои крылья, а умный воробей — на голову». Это значит: думать надо больше головой и рассчитывать только на себя самого, большой ты или маленький.

Но тут краем уха я услышал показавшийся мне важным разговор. Я стал прислушиваться. Одна на вид важная птица рассказывала, что в нашем районе появилась новая опасность — неизвестно откуда пришедший большой белый кот с оранжевыми пятнами на длинном волосатом туловище. Рассказывающий то и дело выпучивал глаза, махал крыльями без дела и пронзительно кричал. Окружавшие его птицы воодушевлённо кивали и похоже полностью были с ним согласны. Кот, живущий поблизости, это всегда дополнительная нервотрёпка. А дикий, грязный и с плохими манерами кот — это большая опасность остаться в один прекрасный момент без хвоста. Мне показалось, это и была самая важная тема разговора на этой чудесной цветной поляне под крышей выгоревшего от солнца сарая.

Я начал думать про кота и даже представил его, подкрадывающегося к нашему гнезду. Бррр, лучше не думать об этом, а то мурашки начинают бегать по телу. Правда, я от кого-то слышал, что некоторые дикие белые коты не едят мяса вообще, а на обед предпочитают исключительно рыбку. Как было бы здорово, если бы все коты были такими. Но надеяться на это не приходится. И этот появившийся в наших местах кот бандитской наружности вряд ли поселится возле воды и начнёт ловить рыбу с утра до вечера. А это значит, нужно теперь быть ещё осторожнее.

Похоже, что я опять забыл о главном, для чего прилетел, прислушиваясь к разговорам старших. Это потому что мне всегда было интересно знать, о чём говорят взрослые птицы, когда собираются вместе, например, мои родители с друзьями или с соседями. Я почему-то был уверен, что они говорят о том особенном и главном, о чём нам детям не положено знать и что они скрывают от нас за семью замками. «Что же это за тайна там такая, её необходимо немедленно раскрыть», — так думал я. И однажды решил подслушать разговор своих родителей с забежавшим на минутку в гости маминым братом. Они были на кухне с закрытой дверью. Спрятавшись за перегородкой и прижавшись плотно к ней ухом, я вдруг понял, что они говорят на глупые темы. Например, про ужасный шум из соседнего гнёзда по ночам или про то, что один наш знакомый, казалось бы приятная вежливая птица, но когда встречаешься с ним в одной кормушке, ведёт себя как отъявленный грубиян. Не даёт другим, даже самым маленьким, подсесть рядом и взять своё зёрнышко, даже если вокруг много свободного места. Ещё они жаловались на погоду и ломоту в косточках. И всё, и никаких тайн. Очень странно.

А тем временем птицы начали разлетаться по своим гнёздам, так как приближалось время обеда и необходимо было сопровождать свою семью. Вот тут-то я и заметил своего отца. Он задержался со своим знакомым, обсуждая тему намечавшихся ежегодно проводимых осенних соревнований. Любые спортивные темы очень волновали моего папу, потому что это было его главным увлечением. Он мог часами смотреть, как спортсмены нашей местной команды

бегают, прыгают, кувыркаются. А уж если дойдёт дело до разговоров о них, то не будет им ни конца ни края.

Конечно, не только мой папа, все лесные обитатели с большим нетерпением ждали этого увлекательного события года. Хотя, я, кажется, ошибаюсь, не все. Есть один недоброжелатель вреди нас — дядюшка Тор. Это дятел. Он большой и чёрный. Причём такой чёрный, что трудно разглядеть, какого цвета его глаза. Только красная шапочка, свисающая слегка до бровей, выделяется ярким пятнышком на его голове. Возможно, она очень-очень давно, когда он был ещё совсем маленьким, была связана и подарена ему бабушкой на день рождения. И с тех пор он

не расставался с ней ни зимой, ни летом. Эта большая взрослая птица поселилась прошлой осенью с нами по соседству на корабельной сосне. Старое, мохнатое из-за отстающих кусочков коры на стволе, дерево приглянулось ему тем, что росло на хорошем месте, где и солнышко грело его старые косточки, и прохлада от воды в летнюю жару не давала голове перегреться. А разных там козявок и мошек, живущих в трещинках и маленьких ущельях трёхсотлетнего великана было такое количество, что живот дядюшки был всегда доволен.

Я не видел раньше таких больших чёрных птиц и думал, что это ворон, но мой друг Чирк объяснил мне, чем отличается дятел от ворона: «Ты знаешь, не буду тебе ничего говорить лишнего, вот тебе самое главное отличие: если подлетишь со спины к дядюшке Тору и украдёшь у него из-под носа какую-нибудь спящую мошку, он даже не заметит, а если и заметит, то только головой покачает — мол, какая молодёжь теперь наглая стала. А вот если ты сам задумался о чём-то, сидя на ветке, и не заметил, как ворон подкрался со спины — считай, что песенка твоя спета». Чирк знал о чём говорит, он был старше меня на целых две недели, и поэтому жизненного опыта у него было побольше, чем у меня. Я ему верю, он же мой друг. Не будет же он меня обманывать.

Пока я размышлял на все эти серьёзные темы, папа тоже закончил разговаривать и хотел было взлететь, но тут увидел меня, и глаза его округлились.

— Что ты здесь делаешь, сын? — спросил он. — Один из гнезда вылетел, а где мама? Что-нибудь случилось?

— Пап, срочно нужна твоя помощь, мама заболела.

— Как заболела? Утром, когда я вылетал, она была здорова, во всяком случае, не сказала мне ничего. Быстро говори, что произошло! Ты её расстроил чем-то или обидел?

— Ничем я её не обидел и совсем не расстраивал, — я начал сердиться на отца, — почему у тебя я всегда виноват? Это же не справедливо!

У нас всегда так было в семье, если что-нибудь случалось, первым, о ком думал плохо папа, был я. Казалось, что я всегда был у него виноват! Конечно, я был единственным ребёнком, не будешь же всё сваливать на маму. Но меня это сильно возмущало. Как-то это не правильно.

Глава третья. Неожиданный поворот событий

— Ладно, полетели быстро, — сказал папа, — потом с тобой разберусь!

И мы взлетели. Наш полёт не занял много времени. И вот мы уже у гнезда.

— Мама! — я бросился в угол, где оставил маму перед вылетом. И прямо застыл в изумлении от того, что я увидел.

Мама сидела на сплетённом папой из гибких веточек стуле и прижимала к груди маленькое яичко. Она улыбалась, и глаза её были влажными от слёз. Как? Зачем? Что это такое?! Я не мог сдвинуться с места. Почему они не сказали мне ничего про то, что мама ждёт яйцо? Ведь я так люблю свою маму, люблю больше всех на свете! Зачем ей понадобился кто-то другой? Разве ей недостаточно меня? Ведь я всегда так старался быть хорошим сыном и почти всегда слушался её.

Я пристально посмотрел на маму. Казалось, что сейчас она выглядела счастливее, чем когда приходила поцеловать меня на ночь перед сном. Теперь-то уж я точно знал, почему мама была приболевшая с утра. И от этого мне стало совсем грустно!

Глава четвёртая. Школьные передраги Крока

В воробьиных семьях большая редкость, когда только один ребёнок, как в нашей. Но родители никогда не рассказывали мне причину, а я и не спрашивал, так как мне было и так хорошо. Они меня одного любили и заботились. И подарков мне доставалось всегда больше, чем детям из больших семей. Конечно, из-за этого в школе не все хотели дружить со мной, а некоторые даже называли меня маменькиным сынком. Потому что видели, как мои родители постоянно окружали меня своей заботой и вниманием. Всегда кто-то из них сопровождал меня из школы домой и обратно. А в обеденное время, когда все ученики стояли в очереди за порцией столовской еды, у меня была своя домашняя — сушёные червячки в маленьком пакетике, заботливо приготовленные мамой. Поэтому в столовую я никогда не ходил. Из-за всего этого, конечно, в школе мне доставалось от ребят. Они меня дразнили. И не только потому, что я по их мнению был «маменькин сынок».

Была ещё одна главная причина — я отличался от них, я отличался от них всех, я родился с синей грудкой. Да-да, с синей грудкой. Вы скажете, не может такого быть, какая ерунда! Не бывает воробьёв с синей грудкой! Она у них всегда серая, ну в крайнем случае светло-коричневая. Но это правда. Я появился на свет именно с синей грудкой. Это отличие и было главной причиной того, что меня дразнили и насмехались. Когда я проходил в классе между столами, девчонки старались меня ущипнуть, а мальчишки дёргали за хвост или выставляли подножку, чтобы я упал. Учителю я рассказывать не хотел, так как это могло перерасти в большие разборки. После чего обидчики не упустили бы случая устроить мне взбучку где-нибудь в тихом местечке школьного двора. Я не то чтобы не могу постоять за себя, нет, я, просто, не люблю драться. Не хочу кому-то делать больно. А стоять с опущенными крыльями и не отвечать на удары обидчиков, приклеится ещё одна кличка — трус. Эта кличка для мальчиков очень обидная. И вытерпеть её могут не все, да и девочки будут смеяться. Кому это понравится?! Пусть уж я останусь для них лишь «маменькиным сынком». С меня и этого достаточно. Правда, со временем я начал потихоньку привыкать к своему незавидному положению в школе, а потом и вообще перестал на это обращать внимание. Хотя частенько домой приходилось возвращаться с синяком под глазом и старательно скрывать случившееся от родителей. Иначе на следующий же день мне бы светило посещение вместе с ними кабинета директора школы. А это уже было слишком.

Вот такой я есть — маленький воробей с синей, как у какого-нибудь попугая, грудкой. Я терплю насмешки в школе и не хочу ни с кем драться. Может быть это потому, что я слабый? Но как бы то ни было, я люблю своих родителей и хочу жить с ними в нашем маленьком уютном лесу, а вот чего я точно не за что не хочу, так это чтобы у меня появился брат или сестра. Но я знаю, что это обязательно случится недели через две, и мне нужно срочно что-то с этим делать.

Не знаю почему, но я был уверен, что с рождением крошечного птенца моя жизнь изменится в худшую сторону. А также я знал, что родители перестанут беспокоиться обо мне и любить, особенно мама, потому что маленький птенец всегда требует большого внимания и заботы. И ей будет совсем не до меня.

Мои опасения потихоньку начинали сбываться. Пока птенец рос в яйце, его нужно было постоянно греть и поглаживать, что мама с папой и делали попеременно. Ночью же картина менялась. Мама всю заботу о яичке брала на себя, так как папа должен был охранять нас, свою семью от непрошеного гостя в это самое опасное время суток. От кота, например, или совы. Для этого он поуютнее устраивался в своё любимое кресло у входа в гнездо и напряженно всматривался в ночную тишину. Занятие это было не из лёгких, и как бы папа не старался бодриться, всё равно, то и дело клевал клювом. Потом вдруг просыпался ненадолго и опять вглядывался, прислушиваясь к посторонним шорохам. Иногда я думал, может быть подменить его как-нибудь. Пусть поспит немного. Устал ведь. Тем более, что мне нужно учиться этому, ведь я тоже когда-то стану папой и у меня родится куча детей. Но эти размышления быстро приходили в мою голову и так же быстро уходили прочь, не оставив и следа. А я, перевернувшись на другой бок, засыпал с тихой улыбкой от мысли — как же хорошо, что я ещё маленький.

Глава пятая. Воробьиные бои

И вот ситуация для меня накалилась до предела. У родителей совсем не осталось времени для меня. Я чувствовал себя брошенным и никому не нужным. Мама не обнимала меня, когда я прилетал из школы, папа перестал брать с собой на воробьиные бои. Мало кто знает, что это такое. Но у нас, воробьёв, это одно из самых приятных занятий, которое устраивается достаточно часто. Учитывая наш скверный характер, причина перепалки находится легко. Если залетели чужаки — получите трёпку. Ну а если давно никто не залетал, то и соседу можно намять бока.

В мои же обязанности теперь входило присматривать за мамой с яичком. Но я не тратил времени даром, нужно было тщательно продумать план действий. Я ждал вылупления птенца.

Глава шестая. Первое знакомство с братом

И вот этот долгожданный момент наступил. Я это понял сразу, проснувшись однажды утром от постороннего шума, раздававшегося за перегородкой в родительской комнате. Сначала я услышал громкий писк, потом возглас мамы, потом всё стихло. Я не выдержал и устремился в их комнату. Посередине их кровати весь мокрый, с остатками прилипшей скорлупы на розовом голом тельце, сидел птенец и тарачил на меня свои большие глаза. «Какой же он противный, — подумал я, — а глаза-то какие наглые. Ну вы ещё с ним напрыгаетесь, — мысленно пожелал я родителям. — Похоже, что такой скоро всем тут жару даст. Это вам не я — тихий и послушный. Ну, ничего-ничего, сами этого захотели». Я даже немножко позлорадствовал.

Наконец-то меня заметили. Мама подошла, обняла меня и сказала:

— Сынок, у тебя родился маленький братик. Посмотри, какой он красивый и глазки у него умные. Теперь тебе будет с кем играть. Подойди же к нему поближе, поцелуй его.

Мне совсем не хотелось этого делать. Тем более, что мне нельзя было к нему привыкать, это не входило в мои планы. Но папа слегка подтолкнул меня сзади, и я невольно ткнулся головой прямо в голый живот птенца. Тот, не долго думая, широко раскрыл клюв и молниеносно нанёс мне удар прямо под глаз. От неожиданности я отпрыгнул в сторону, на что-то при этом наткнулся и завалился набок. «Ну вот и познакомились», — подумал я. Больно не было, было обидно, что родители стали свидетелями того, как только что вылупившийся желторотик напал на своего старшему брату по полной программе при первом же знакомстве.

Итак, с появлением этого «недоделанного животного» нас теперь можно было назвать большой семьёй. При этом в моей личной жизни ничего не изменилось. Мама, правда, старалась приобщить меня к уходу за маленьким, но я всячески избегал этого, ссылаясь на большие школьные домашние задания. Поэтому отношений у нас с ним никаких не складывалось, чему я был несомненно рад. Хотя частенько я ловил на себе его пристальный изучающий взгляд. О чём же он думает в этот момент? — фантазировал я, если он конечно уже умеет думать о чём-то. Возможно, я для него был одной большой загадкой, существом, не похожим ни на что, что он знает. К примеру, если я тоже ребёнок, то почему не похож на него. Если же я один из группы ухаживающих за ним, то почему не бегаю вокруг него с игрушками и не пытаюсь рассмешить? И если я ни то, ни другое, нужно ли меня остерегаться? Вообще-то, если он и думал так, меня это совсем не волновало. Я просто ждал. Теперь ему нужно было немного подрасти и стать на что-то определённое похожим. Сейчас же он был похож на маленький кожаный мешочек с косточками. А план мой был уже полностью готов и только ждал исполнения.

Глава седьмая. Экстренное птичье собрание

Время шло, и перьев на птенце становилось всё больше. Как-то однажды, возвращаясь из школы, я столкнулся с ним у входа в гнездо. Судя по всему, он подобрался к нему, пока мама была занята чем-то и не видела этого. «А ты, оказывается, любопытный, — подумал я, — это хорошо».

— Привет. Что ты тут делаешь? — спросил я его. Он молчал. Наверное боялся, что на его писк прибежит мама и, обнаружив, где он, устроит ему взбучку за такую опасную выходку. — Что, не хочешь разговаривать? Ну это дело твоё. Я только хочу тебе сказать, что ты глупый, страшный и беспомощный. Ты ничего не умеешь делать: ни есть сам не умеешь, ни летать не умеешь, сидишь себе в гнезде и ничего не видишь и не понимаешь. Знаешь, таких не любят. Можешь мне поверить.

Птенец смотрел на меня не отрываясь, похоже, пытался понять, о чём же я говорю ему так решительно. И тут я нанёс ему окончательный удар. Я сказал:

— А мама с папой меня любят больше, а с тобой только притворяются, чтобы тебя не обидеть. Это мои мама с папой. Тебе придётся найти себе другую семью, — и, подойдя вплотную, я вытолкнул его из нашего гнезда.

Думал ли я тогда, что поступаю как-то плохо с маленьким беспомощным птенцом, который к тому же был моими младшим братом? Нет. У меня было только одно желание — избавиться от него. Я не хотел его видеть в моей семье. Я хотел вернуть то время, когда мы жили без него. Только папа, мама и я. Вот только так мне было хорошо. А он всё испортил и сделал меня несчастным.

— Крок, ты уже вернулся? Хочешь кушать? Иди мой крылья, — это из глубины гнезда появилась мама, — а ты не видел Смола?

Так мама называла птенца. Это было его временное имя, которое должно было поменяться на настоящее после его полного оперения. Но теперь этого не произойдёт, по понятным причинам.

— Мам, да, я встретился с ним у входа в гнездо. Он сказал мне, что ему не нравится у нас и он уходит, чтобы найти себе другую семью, — сказал я спокойно.

— Что? Что ты сказал Крок? Ты шутишь? Но мне сейчас не до шуток.

Мама замерла на месте, как будто только сейчас поняла, что произошло что-то непоправимое, и закричала в отчаянии:

— Где малыш? Я тебя спрашиваю. Он же ничего не понимает ещё толком! Он не мог сам уйти никуда, потому что не может ни ходить, ни летать. Что ты с ним сделал?

Я молчал. Мама стремительно вылетела из гнезда. Я понял, что от случившегося она была в ужасе. Конечно же, решив избавиться от этого нежелательного субъекта, я предполагал, что может за этим последовать. И какой бы хитрый план я не придумал, вся вина может лечь на меня. Но я был готов к этому, хотя и немного нервничал, так как не собирался делать это сегодня, просто случай подходящий подвернулся — птенец был один у самого края гнезда. Хорошо ещё, что папы не было дома. Хотя это длилось недолго. Влетел папа и набросился на меня с криками: «Я так и знал, что ты маленький вредитель в нашей семье. Ты ничего не хочешь делать: ни учиться, ни помогать по дому. Единственное, что у тебя хорошо получается, так это всё делать нам с мамой наперекор. А сейчас ты решил избавиться от своего младшего брата и поэтому вытолкнул его из гнезда. Это так? Признавайся, гадкий ребёнок, где твой брат? Мы с мамой облетели всю нашу местность несколько раз и не нашли его. Что ты с ним сделал?» Крича это прямо мне в ухо, он тряс меня, как грушу. Да так сильно и долго, что я даже начал икать. «Я... я... я...», — я пытался объяснить ему, что произошло, но у меня ничего не получалось, мой клюв только клацал. Никогда ещё я не видел нашего папу таким разъярённым. Внезапно он отбросил меня в угол, быстро развернулся и, наградив меня злым взглядом, вылетел из гнезда. «Вот это да», — подумал я, потому что к такому повороту событий я явно не был готов. Думал, ну поругают меня родители, пусть даже накажут, не позволив моему другу прилететь поиграть со мной после школы. Но чтобы так трясти меня, что даже искры из глаз посыпались. Это уже слишком. Что он себе позволяет, этот папа? Кто ему разрешил так поступать со мной? Я хоть и маленькая птица, но птица. И мне тоже иногда может быть не только больно, но и обидно. Слёзы подступили к моим глазам.

Между тем, папа, как я узнал позже, для поисков выпавшего птенца полетел звать на помощь всех птиц, живущих в нашей округе. И слетелось их такое огромное количество, что

расправленные в полёте крылья заслонили всё небо целиком, не оставляя солнечным лучам даже крошечного просвета, чтобы они могли дотянуться до земли. Всё вокруг потемнело.

Прилетели не только все наши родственники, соседи и знакомые. Большой стаей, живущей от нас неподалёку, прилетели синицы, и даже дрозды прилетели на подмогу. Те самые дрозды, которые всегда считали нас, воробьёв, бесполезной и даже вредной для леса птицей. Сколько раз я слышал от них в свой адрес такие возгласы: «Воробей, убирайся прочь из нашего леса», «Здесь нет места для птицы, которая ради лёгкой еды готова жить в городе, рядом с мусорными свалками», «Настоящая лесная птица свободна, как ветер», «Да и петь вы толком не умеете, какая от вас здесь, в лесу, польза». Можно подумать, что синицы участвуют в конкурсе «Голос леса» или вороны. Даже смешно. Какая от них тогда польза? Именно так мне всегда хотелось им возразить.

Потихоньку я начал отходить от этой папиной тряски. Конечно же, я никуда не полетел. А просто уселся поудобнее у выхода из гнезда и стал наблюдать за всем происходящим. Похоже, что все были в сборе и только ждали, кто же из собравшихся возьмёт на себя роль главного организатора по спасению пострадавшего. Вдруг неожиданно в толпе птиц раздался пронзительный крик. И было это нечто большее, чем просто крик. Это было предупреждение о приближающейся опасности, что на птичьем языке означает «спасайся, кто может, враг рядом». Но каково же было моё изумление, что никто из птиц не сдвинулся с места и только гнетущая тишина воцарилась вокруг. Птицы оцепенели от страха перед приближающейся опасностью и от своей собственной смелости одновременно. Каждый из них понимал, что каким бы страшным ни был для них подступающий враг, в большей опасности сейчас находился маленький, заблудившийся в траве птенец. И было это удивительно, потому что было против всех законов природы. Тишина длилась, казалось, целую вечность. И вот в эту тишину, вернее, в самую её середину, на землю, не складывая расправленных в полёте могучих крыльев, опустился орёл по имени Орлеан. Вмиг мои глаза сами собой закрылись от страха, и я отчётливо понял, что вот тут-то мы все и пропали. Попытаться улететь прочь было поздно, да и бесполезно, так как эта сильная и безжалостная птица находилась от всех на расстоянии вытянутого крыла и свирепо разглядывала собравшихся.

— Я слышал, у вас тут проблемы? — он заговорил с нами. Голос его звучал грозно и раскатисто. — Я жду объяснений, что за суматоха тут у вас происходит. Спать мне не даёте спокойно.

Но ответа не последовало. Я понимал, что от ужаса и страха ни у кого из птиц даже клюв не мог раскрыться, не говоря уже о каких-то там требуемых орлом объяснений. Даже я, отсиживающийся в дупле дерева, не был в полной безопасности перед этим безжалостным царём птиц. Обстановка ничего хорошего не предвещала и грозила закончиться плачевно либо для самого трусливого из нас, либо для самого ближнего к орлу находившегося. Не знаю, сколько бы ещё времени он мог терпеть наше безмолвие, но тут, к всеобщей радости, из глубины кроны старой корабельной сосны раздался нерешительный голос дядюшки Тора:

— Я могу. Мне терять нечего. Семьи у меня нет, детей тоже. А значит, плакать по мне никто не будет.

Ото всюду раздался облегчённый вздох. Все птицы снова как бы ожили и задышали полной грудью: «Говори, говори, дядюшка Тор, ты самый старший из нас, и голова у тебя хоть и твёрдая, но умная. Значит, не подведёшь». Дятел почти вплотную подлетел к орлу и приземлился на высохшую корягу, торчащую из земли прямо у его ног. Это было смело.

— Я извиняюсь, конечно, за свою наглость, — начал он, — но сначала хотел у Вас поинтересоваться — с какой целью Вы задаёте такие вопросы? Понимаете ли, мы, птичий народ, народ маленький и всего опасаемся, поэтому хотелось бы всё прояснить. Вы хоть и царь птиц, и среди нас большой авторитет имеете, но, извините за свободу слова, мы — Ваша еда.

Орлеан нахмурился:

— Я же сказал, что спать мне мешаете. И потом, на моей территории должно быть всё спокойно и понятно. А тут у вас шум стоит, неразбериха. Не люблю я этого.

Похоже, что этот ответ успокоил дядюшку Тора, и он принялся подробно рассказывать о том, что у нас произошло и что теперь необходимо наметить план действия или, проще говоря, план поиска и спасения птенца. Он заметил так же, что было бы хорошо поторопиться, так как приближается ночь, а с наступлением темноты для поисков придётся привлекать сову. А к ней без пары предварительно добытых полевых мышек лучше не обращаться, она этого не поймёт. Так как мышки ей всегда нужны для поднятия духа и просто для хорошего настроения. К тому же, он добавил, воробьёв в лесу осталось не так уж много и мы должны дорожить каждым крохотным птенцом. Вот такая длинная речь у него получилась, но орёл терпеливо слушал, не прерывая говорившего.

Когда дядюшка Тор замолчал, грозная птица, немного помолчав, произнесла:

— Я очень внимательно выслушал этого старого дятла и даже успел обо всём подумать. Надеюсь, ни у кого нет сомнений в том, что опыта общения с птенцами у меня больше, чем у всех вас вместе взятых. Именно поэтому, и на правах главного, я распускаю всю вашу толпу по домам. Так как никто из вас в этом деле мне не помощник. У меня есть проверенные друзья, которые справятся с этим заданием за считанные минуты. А маленький птенец никуда не мог далеко уползти, так как даже коленки у него ещё не выросли. Разлетайтесь себе спокойно по домам и ждите от меня скорую весточку о том, что птенец благополучно найден и в данный момент уже спит себе, посапывая, под маминым крылом.

Орёл закончил свою речь и в очередной раз оглядел собравшихся. Никто не сдвинулся с места и не проронил ни слова.

— Я что, как-то непонятно выражаюсь? — его голос прогремел как гром в раскалённом воздухе, — ну хорошо, тогда я считаю до трёх.

И он действительно начал считать:

— Один, — и первыми поднялись в воздух синицы. Стайкой, как всегда. Правда, перед тем, как улететь совсем, они молча сделали круг в воздухе, как бы извиняясь за своё поведение. И уже через мгновение все увидели лишь чёрные пятнышки их удаляющихся хвостов. К своему удивлению, я был очень раздосадован: «Я всегда знал, что вы самые трусливые из всех трусливых птиц!» — прокричал я из своего укромного местечка, но прокричал негромко, тихонько так прокричал, чтобы никто не услышал.

— Два, — орёл продолжать считать.

Тут уже все собравшиеся, единой летающей массой, с огромной скоростью бросились на утёк. На месте недавнего сборища остались лишь мои папа, мама и огромная царь-птица. Орёл, конечно, не был глупым и понимал, что дальше считать нет никакого смысла, так как несчастные родители, потерявшие птенца, никуда не улетят, так как им уже нечего бояться. Орёл подошёл к ним поближе, обнял маму своим могучим крылом и произнёс:

— Не беспокойтесь, я найду вашего сына, чего бы мне это ни стоило. Обещаю. А обещаний своих я так просто не раздаю.

И взмахнув крыльями, улетел на запад, туда, где солнышко, прикрывшись пуховыми облаками, уже укладывалось спать в свой очередной раз.

Вернувшиеся домой папа с мамой не разговаривали со мной и даже не смотрели в мою сторону. Как-то стало грустно от этого, а ещё очень хотелось есть. Я вспомнил, что не ел с самого утра, и мой живот немедленно с этим согласился, протяжно заурчав. Хорошо было бы спросить у мамы, полетим ли мы сегодня поужинать, но похоже, что сейчас не совсем подходящий для этого момент. А может самому добыть что-нибудь съестное на кухне? И, кажется, я даже знал где. Недалеко от двери, за посудным шкафом, в стенке было небольшое тайное углубление. Мама там всегда припрятывала семена и зёрнышки на чёрный день, думая, что я не догадываюсь об этом. Но я конечно же это знал, так как я знал всё, что касается еды в нашем доме. А это на самом деле были важные запасы на все случаи жизни. Вот, например, зимой нагрянут внезапно сильные холода, да такие, что вылетать из дома невозможно, клюв на морозе застывает. Или вдруг ночью живот так сильно прижмёт от голода, что трудно терпеть. Не полетишь же в темноту искать себе что-нибудь перекусить. На все эти случаи и имеются в каждом птичьем гнезде такие маленькие приятные тайнички. Я потихоньку пробрался на кухню. Засунул кончик крыла в тёмную впадинку и нащупал там зёрнышки. Но как только я попытался засунуть их себе в клюв, на пороге кухни появился папа и, увидев меня грозно, спросил:

— Что ты тут делаешь?

— Пап, я есть хочу, ни одной крошки с самого утра во рту не держал, — пропищал я.

Казалось, он был разъярён ещё больше, чем в момент пропажи птенца.

— Убирайся отсюда, ты не заслуживаешь еды. Не хочу тебя видеть, — папа произнёс эти слова так жёстко, что я даже не сразу понял, о чём он говорит. Я просто смотрел в его помутневшие от злости глаза и не узнавал его. Что случилось, он больше не был тем моим папочкой, которого я любил с самого рождения. Папочкой, который кормил меня из клюва, играл в прятки, ходил со мной на прогулки, когда мама была занята разговорами со своими подругами или уборкой гнезда. Я был сильно потрясён увиденным. И причина была не в его помутневших глазах и перекошенном клюве, в этот миг я окончательно понял самое главное — он на самом деле стал любить меня меньше, чем брата, а то и вовсе разлюбил. И мне теперь придётся жить с этим всегда. Это ужасно! Нет, я так не хочу. Я уйду от них. Раз они перестали меня любить, они мне тоже больше не нужны. Они ещё пожалеют об этом. Обойдусь как-нибудь без них. Мне-то ничего, я не такой уж и маленький, справлюсь, а вот они правда расстроятся, когда обнаружат, что я ушёл. Папа начнёт винить себя в этом, мама всё время будет плакать, уткнувшись ему в плечо. Да, такая картина, нарисованная моим воображением, мне была по душе. Решено, ухожу. И даже утра ждать не буду, уйду прямо сейчас, в темноту. И я решительно направился к выходу. Но стоило подойти поближе к краю гнезда, храбрости у меня сразу поубавилось, потому что из глубины леса на меня дохнула чёрная непроглядная ночь, и только редкие яркие звёзды подмигивали, приглашая к путешествию. Но что-то мне внутри подсказывало отложить это важное мероприятие до утра. Так я и сделал.

Глава восьмая. Побег и вымышленная история для героя

Конечно же, я долго не мог заснуть, воображая, что меня может ожидать там, в дали от родного гнезда, от привычной жизни. Но ничего хорошего в голову не приходило, только страхи и опасения. В конце концов я уснул, и мне приснился жуткий сон, что я лечу по совершенно незнакомой мне местности, а за мной по земле несётся со всей скоростью большущий кот в рыжих пятнах и, высоко прыгая, старается зацепить меня своими когтями. А я совсем уже устал так долго лететь и хочу сесть куда-нибудь на дерево, передохнуть, но как только я присяду на ветку, кот стремительно карабкается вверх по этому дереву, прямо ко мне, и я опять вынужден взлетать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.